

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПЦИЙ РЕЛИГИОЗНОГО СИМВОЛА

В ТЕОЛОГИЧЕСКИХ ПОСТРОЕНИЯХ ПАУЛЯ
ТИЛЛИХА И БОГОСЛОВСКОМ ОСМЫСЛЕНИИ
ПРОТОПРЕСВИТЕРА АЛЕКСАНДРА ШМЕМАНА

Федор Борисович Кашицкий

магистр теологии
аспирант ПСТГУ
Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет
127051, г. Москва, Лихов пер., д. 6, стр. 1
fedorkashitsky@yandex.ru

Для цитирования: *Кашицкий Ф. Б.* Сравнительный анализ концепций религиозного символа в теологических построениях Пауля Тиллиха и богословском осмыслении протопресвитера Александра Шмемана // Богословский вестник. 2026. № 2 (61). С. 116–131. DOI: 10.31802/GB.2026.61.2.006

Аннотация

УДК 27-1 (2-65)

Целью данной работы является сопоставление богословских концепций религиозного символа Пауля Тиллиха и протопресвитера Александра Шмемана. Одна из задач заключается в выявлении точек соприкосновения, а также принципиальных различий их символических подходов. Другая задача заключается в том, чтобы проследить шмемановскую интерпретацию тиллиховского восприятия символа. Мы анализируем не только подходы исследуемых мыслителей, но и разные характеристики символов в их богословских построениях. Основной метод этого исследования сравнительно-аналитический: с его помощью мы проводим комплексное сопоставление понятия «символ» в теологии П. Тиллиха и богословии А. Шмемана. В работе мы также выявляем, какое влияние философия Фридриха Шеллинга оказала на обоих мыслителей. Помимо этого, мы исследуем контексты употребления ключевых богословских терминов в работах мыслителей. В результате выявляется общее богословское направление, характерное для П. Тиллиха и А. Шмемана, которое заключается в том, что символ нельзя назвать метафорой или аллегорией, а можно выразить в виде живой онтологической связи между Богом и человеком. Мы демонстрируем, как разные конфессиональные контексты формируют

специфику понимания символа у мыслителей. Работа способствует более глубокому пониманию диалога между западной и восточной богословскими традициями в XX в.

Ключевые слова: Пауль Тиллих, протопресвитер Александр Шмеман, религиозный символ, метод корреляции, таинство, литургия, православное богословие XX в., лютеранство, православие.

Статья поступила в редакцию 21.3.2026; одобрена после рецензирования 23.3.2026

A Comparative Analysis of the Concepts of the Religious Symbol in the Theological Systems of Paul Tillich and the Theological Thought of Protopresbyter Alexander Schmemmann

Fedor B. Kashitsky

M.Div.

PhD student at the St. Tikhon's Orthodox University for the Humanities

6/1 Likhov Lane, Moscow 127051, Russia

fedorkashitsky@yandex.ru

For citation: Kashitsky, Fedor B. "A Comparative Analysis of the Concepts of the Religious Symbol in the Theological Systems of Paul Tillich and the Theological Thought of Protopresbyter Alexander Schmemmann". *Theological Herald*, no. 2 (61), 2026, pp. 116–131 (in Russian). DOI: 10.31802/GB.2026.61.2.006

Abstract. This paper compares the theological concepts of the religious symbol in the works of P. Tillich and Protopresbyter Alexander Schmemmann. The study identifies points of convergence and fundamental differences in their symbolic approaches, specifically tracing Schmemmann's interpretation of Tillich's perception of the symbol. Using a comparative-analytical method, the research examines the characteristics of symbols within their theological systems and explores the influence of Friedrich Schelling's philosophy on both thinkers. By analyzing the usage contexts of key terms, the author reveals a shared theological stance: the symbol is neither metaphor nor allegory, but a living ontological link between God and humanity. Finally, the paper demonstrates how distinct denominational contexts shaped their respective views, contributing to a deeper understanding of the 20th-century dialogue between Western and Eastern theological traditions.

Keywords: Paul Tillich, Protopresbyter Alexander Schmemmann, religious symbol, method of correlation, sacrament, liturgy, 20th-century Orthodox theology, Lutheranism, Orthodoxy.

The article was submitted on 3/21/2026; approved after reviewing on 3/23/2026

Введение

В рамках данной статьи систематизируются данные, изложенные нами ранее в работах, посвящённых концепциям религиозного символа в трудах П. Тиллиха¹ и прот. Александра Шмемана²; мы проводим сопоставительное исследование символогии (видении символа) двух вышеуказанных мыслителей. Вторая часть статьи посвящена интерпретации концепции религиозного символа П. Тиллиха у прот. А. Шмемана.

Необходимо понимать, насколько уместно то, что мы обозначаем в качестве шмемановской интерпретации тиллиховского понимания символа. А. Шмеман был знаком с работами П. Тиллиха и воспринял часть тиллиховских идей о символе, но к самой тиллиховской проблематике он относился прохладно.

В своих «Дневниках»³ он прямо даёт достаточно резкую оценку:

«...прочёл в своё время много Тиллиха и помню его лично (экзаменовал меня в Union в 53–54 гг.). И уже тогда думал: безбожное, демоническое богословие...»⁴.

Вот почему мы говорим именно об идейной интерпретации, а не о прямом влиянии.

1. Сравнительный анализ концепций религиозного символа П. Тиллиха и прот. А. Шмемана

Анализ символических конструкций П. Тиллиха целесообразно начать с рассмотрения методологического базиса его концепции. Ключевым инструментом теологических построений автора выступает метод корреляции, устанавливающий соответствие между религиозным символом и объектом символизации. В частности, данная корреляция эксплицирует логическую взаимосвязь категорий человеческого и божественного⁵.

Метод призван соотнести философский вопрос и теологический ответ. Философия задается вопросами экзистенциального характера,

1 *Кашицкий Ф.Б.* Концепция религиозного символа в богословской системе П. Тиллиха // ТКБ СПбДА. 2025. № 2 (26). С. 51–64.

2 *Кашицкий Ф.Б.* Символ в богословии протопресвитера Александра Шмемана // Ипатьевский вестник. 2026. № 1. С. 23–31.

3 *Шмеман А.* Дневники. 1973–1983. Москва, 2017. (В восьми тетрадах).

4 Там же. С. 40. (Тетрадь I. Понедельник, 15 октября 1973).

5 *Тиллих П.* Систематическая теология. Т. 1. Москва; Санкт-Петербург, 2000. С. 15–16: «Наша система являет собой попытку использовать “метод корреляции” в качестве такого способа, который объединил бы Весть и ситуацию. <...> вопросы тут соотнесены с ответами, ситуация — с Вестью, а человеческое существование — с божественным проявлением».

а теология с помощью символов даёт ответы на эти вопросы. Метод корреляции П. Тиллиха⁶ находит своё практическое воплощение в концепте соучастия, который связывает экзистенциальные вопросы человека с ответами религиозных символов. Через соучастие символ не просто указывает на божественное, а становится причастным к его реальности. Это проявляется на всех уровнях: от познания и любви до религиозного приобщения христианина к Новому Бытию во Христе⁷.

Христос (по А. Шмеману) наполняет символ, является «Символом символов», и богослов осмысляет Его в некотором роде схожим с П. Тиллихом образом. Оба мыслителя видят во Христе не просто историческую фигуру, а символ, преодолевающий разрыв между конечным и бесконечным⁸. И П. Тиллих, и А. Шмеман подчёркивают, что символ не просто знак, а реальность, которая участвует в том, на что указывает. Однако в работах о. Александра мы не видим прямого указания на тиллиховский метод корреляции и подобного методологического построения.

В систематике П. Тиллиха описание Иисуса Христа как символа строится на переходе от общего учения о бытии (онтологии) к частному учению о Спасителе (христологии)⁹.

О. Александр следует несколько иной логике, он онтологически связывает Христа и таинство, при этом раскрывая свои представления о символе, и прослеживает переход от христологии к сакраментологии¹⁰.

Отметим, что тиллиховская двухчастная теологическая система (онтология — христология) воспринимается более ограниченной по отношению к трёхчастной шмемановской (онтология — христология — сакраментология) с точки зрения православного богословия.

Центральная идея авторской христологии П. Тиллиха заключена в Новом Бытии в «Иисусе как во Христе», и это Бытие преодолевает

6 Тиллих П. Систематическая теология. Т. 1. С. 63–64: «Существует корреляция как соответствие между религиозными символами и тем, что именно они символизируют. <...> в логическом смысле — корреляция между теми понятиями, которыми обозначается человеческое, и теми, которыми обозначается божественное. <...> в фактическом смысле — корреляция между предельной заботой человека и тем, чем именно он предельно озабочен».

7 Там же. С. 177–178.

8 Пименов С. С. Доктор Пауль Тиллих: О традиции, новизне и богословском усилии. Москва, 2013. С. 198.

9 McKelway A. J. The Systematic Theology of Paul Tillich: A Review and Analysis. Richmond, 1964. P. 155.

10 См.: Шмеман А., *протопресв.* Таинство и символ // Библиотека Одинцовского благочиния: [сайт]. URL: http://www.odinblago.ru/liturgika/taistvo_i_simvol/

«экзистенциальное отчуждение» человека от Бога¹¹. В отличие от онтологической категории «Нового Бытия» П. Тиллиха, протопресвитер Александр Шмеман оперирует понятием «новое творение», акцентируя внимание на литургическом и восстановительном аспектах. Пусть «творение» и «новое», но всё же творение. Данный термин воспринимается в более узком смысле, чем тиллиховское «Новое Бытие».

Главное различие их богословских подходов заключается в том, что, если у П. Тиллиха акцент сделан на соучастии символа в реальности Нового Бытия, то у Шмемана подчёркивается динамическая природа символа, который обретает свою полноту и действенность исключительно в Личности Христа¹². Если противопоставить подходы мыслителей, то на основании вышеуказанного сравнения можно назвать П. Тиллиха философом с теологическим уклоном, тогда как прот. А. Шмеман скорее наоборот — богослов с философскими тенденциями.

Литургия (по о. Александру) направлена к восстановлению реальности, к единству со Христом через символическую форму таинства — динамическую реальность литургии. А. Шмеман говорит о том, что литургия символически являет нам Христа, присутствующего в таинстве¹³.

(Согласно П. Тиллиху) Христос символически восстанавливает смысл бытия¹⁴. Сравнивая эти два положения, можно сделать вывод о том, что литургия в качестве символа у о. Александра становится посредницей между реальностью и Христом, однако в построениях П. Тиллиха подобного посредника нет.

У нас возникает вопрос по поводу логической обусловленности и взаимосвязанности некоторых шмемановских терминов, которые ранее указывались в тексте этой работы. После формирования их кратких определений, мы сможем составить из них последовательную логическую цепочку.

Так, Христос видится нам в качестве центра всего шмемановского богословского мышления. Откровение представляется явлением Христа в мире как Богочеловека. Символ становится выражением Откровения. В свою очередь, Таинство предстает в качестве конкретной формы символа, с помощью которой Откровение приобретает

11 Лёзов С.В. Теология культуры Пауля Тиллиха // *Тиллих П. Избранное. Потрясение оснований*. Санкт-Петербург, 2015. С. 71.

12 Шмеман А., протопресв. Таинство и символ 4: «будучи соотнесен со Христом, наполнен Христом, символ исполняется и становится таинством».

13 Шмеман А., прот. Литургия, Символ и Таинство // *Богословие и богослужение. Сборник*. Москва, 2017. С. 293–294.

14 Тиллих П. Систематическая теология. Т. 2. С. 392.

действительность. Литургия, как центральное таинство Церкви, становится местом встречи со Христом, где эта «символическая цепочка» реализуется. В итоге логическая цепочка видится нам следующим образом: Христос, Откровение, Символ, Таинство, Литургия.

Мы уже указывали выше, что П. Тиллихом формируется метод, в который он помещает Христа. «Иисус как Христос», реализуя на практике данный метод, является предельным символом¹⁵. Интересно, что А. Шмеман мыслит схожим образом: для него предпосылки символа во многом обусловлены философским дискурсом, однако о. Александр делает принципиальный акцент на живой форме богословского предания — на литургии¹⁶. У П. Тиллиха центр теологических построений — «Иисус как Христос» в качестве символа, тогда как у А. Шмемана центром богословия становится литургия как символ, посредством которой человек сначала приходит ко Христу, а затем к Царству Божьему.

Важная часть богословия о. Александра — символ Царства Божия, который выражается в литургии¹⁷. Его онтологическое значение заключается в том, что данный символ реализуется в таинстве Евхаристии, показывая наше единство со Христом. Таинство в Церкви через Христа символизирует Царство Божие. О. Александр рассматривал литургию как символ присутствия, утверждение, сообщение Царства Божия и радость о нём. Согласно представлениям А. Шмемана, для человека Церковь — это символ таинства, которое, в свою очередь, является символом Царства Божия, а оно уже есть символ Христа.

По П. Тиллиху, для человека Иисус Христос есть символ Нового бытия — Царства Божия. Церковь, которую П. Тиллих называет «духовным сообществом», нельзя приравнивать к Царству Божьему¹⁸.

Похожая логика прослеживается и у о. Александра: Церковь (вместе с литургией) является отражением Царства Божия, но не полнотой Царства, которое будет явлено в эсхатологической перспективе, а символом присутствия Царства Божия в нашем мире.

Мы можем выделить сходство, учитывая то, что крайние члены данных теологических построений одинаковы: человек — Христос и Царство Божие. Однако главное различие заключается в том, у П. Тиллиха

15 Тиллих П. Систематическая теология. Т. 2. С. 434–435.

16 Михайлов П. Б. Литургический символизм отца Александра Шмемана // Фонд «Русское зарубежье» имени А. Солженицына: [сайт]. URL: https://www.rp-net.ru/book/discussion/theology_of_joy/mikhailov.php

17 Шмеман А., *прот.* Евхаристия. Таинство Царства. Москва, 1992. С. 8.

18 Тиллих П. Систематическая теология. Т. 3. С. 148.

символ воспринимается как граница (например, символ как точка схождения человеческого и божественного), тогда как у А. Шмемана присутствует цепочка символов без прямого указания на граничность. Более того, тиллиховская граничность — это одновременность областей, символ для него является посредником, а не отделителем¹⁹. В этом их представления о символе воспринимаются схожим образом, но основная проблема заключается в том, что о. Александр подобного рода «граничность» никак не формализует, в отличие от П. Тиллиха, который много говорит об этом качестве символа в своих работах.

Поскольку в литургическом богословии прот. А. Шмемана символ понимается как точка соприкосновения двух реальностей, использование им данного термина эксплицирует конкретную онтологическую корреляцию — соотнесение божественного и человеческого планов бытия. Логика в этом отношении очевидна; А. Шмеман использует тиллиховское понятие символа, но какой объект тогда должен коррелировать с субъектом в духе тиллиховского метода корреляции?

Ответ даётся заведомо: разрешение указанного соотнесения (по А. Шмеману), заключается в литургии, которая является необходимым посредником между человеком и Богом (Его Царством). Для П. Тиллиха такого посредника нет, а для о. Александра Церковь, в которой совершается таинство Евхаристии, представляет собой наиважнейший элемент. У П. Тиллиха этот элемент вторичен: он не делает такого акцента на таинстве, которое является фактической встречей человека с Богом в символической форме. Как мы понимаем, в этом и заключается принципиальное отличие православного мыслителя от мыслителя протестантского, а следовательно, и обусловленность их подходов.

Для П. Тиллиха символ Иисуса как Христа реализуется везде в мире, а у о. Александра символ Христа выражается только в границах Церкви (в частности, в таинстве). Мы видим, что у П. Тиллиха рождение символов обусловлено действием человеческой стороны: человек опознаёт для себя в своём уме (в коллективном бессознательном) символы (символ Иисуса как Христа, в частности).

Согласно А. Шмеману, символы устанавливает не человек, а Сам Иисус Христос (Церковь, литургия, таинство). В этом заключается ещё одно доказательство того, что протестантский мыслитель является скорее философом, а православный — больше богословом.

В частности, это «распределение ролей» обусловлено их задачами. Перед П. Тиллихом стоит задача привести научное сознание

19 Тиллих П. Систематическая теология. Т. 2. С. 295.

неверующего к принятию Христа, тогда как А. Шмеман стремится привести человека, который уже находится в Церкви, к более глубокому пониманию литургии в церковной жизни.

Система прот. А. Шмемана базируется на двух фундаментальных символах: Христе и Царстве. П. Тиллих же постулирует единый «предельный» символ — «Иисус как Христос», эксплицированный в частных модусах, таких как символы Креста и Воскресения²⁰.

Очевидно, контекстуальные ниши генезиса концепций символа у обоих авторов различались. Однако точки идейного влияния также подлежат выделению. Одним из них был Ф. Шеллинг: этот философ во многом закладывает фундамент для формирования представлений о символе обоих мыслителей. Говоря об идеях Ф. Шеллинга, нам необходимо понимать, как они повлияли на концепцию религиозного символа П. Тиллиха. Например, понятие «эссенциализации» как восстановления «вечной сущности» или «божественного первообраза», вероятнее всего, появляется у П. Тиллиха именно от Ф. Шеллинга²¹.

Влияние философии Ф. Шеллинга сказывается и на понимание символа у А. Шмемана. Так, протопресвитер Александр вдохновляется шеллинговским видением символа в качестве чувственного воплощения идеи²². А. Шмеман вслед за П. Тиллихом, который, в свою очередь, усвоил это от Ф. Шеллинга, пишет о том, что реальность символом не только обозначается, но и передаётся.

Таким образом, можно сказать, что П. Тиллих, а вслед за ним и протопресвитер Александр Шмеман адаптировали в своих богословских построениях шеллинговскую идею, которую можно для понятности выразить следующим образом: в реальности символ является не только средством познания, но и средством участия²³.

Развивая указанную мысль, можно сказать, что шеллинговская эстетика, как часть его философии, смогла оказать значительное влияние на тиллиховскую теологию и шмемановское богословие. Поскольку для Ф. Шеллинга символ является синтезом конечного и бесконечного,

20 Тиллих П. Систематическая теология. Т. 2. С. 422.

21 Зоткина О.Я. «И этому испытанию никогда не приходит конец...» // Тиллих П. Систематическая теология. Т. 3. Москва; Санкт-Петербург, 2000. С. 398.

22 Сычева С.Г. Ф. Шеллинг и Вячеслав Иванов: «Философия искусства» и символизм // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 361. С. 58.

23 Шмеман А., протопресв. Таинство и символ 4: «И мир символичен *signum rei sacrae* так как он создан Богом; таким образом, символизм относится к его онтологии, когда символ это не способ восприятия и постижения реальности, не только средство познания, но и средство участия».

он не просто призван обозначать, но и вмещать в себя божественную реальность. Нам известно, что П. Тиллих, глубоко изучавший Ф. Шеллинга и написавший две диссертации о нём, переносит это понимание из шеллинговской эстетики в свою теологию.

А. Шмеман пытается литургически развить вышеуказанную мысль в своем богословии. У него христианские символы не должны заменять собой реальность, но, наоборот, они призваны передавать её изнутри, когда они становятся средством нашей коммуникации с Богом. Мы видим, что Ф. Шеллинг влияет на обоих исследуемых мыслителей в плане понимания символа как онтологической реальности, а не рационального знака.

П. Тиллих рассуждает о символе «по существу»: о его структуре, функции, свойствах и т.д. Лишь после формирования системного понимания символа П. Тиллих переходит к символам конкретным. А. Шмеман же говорит о конкретных символах без теоретической базы — у него символы сразу понимаются и выражаются практически, при этом всё связанное с божественным у него определяется в качестве символов. Напрашивается вывод о том, что у П. Тиллиха символы во многом действуют сами из себя и являются в некотором роде источниками энергичности божественного в мире. Символ же, по А. Шмеману, работает, когда он переводится в актуальную силу таинства, и сам по себе символ не обладает актуализирующей силой — в этом принципиальное отличие видения символов у мыслителей.

Символ Иисуса Христа в системе А. Шмемана не ограничивается указательной функцией, но исполняется в таинстве. У П. Тиллиха же символ Христа приводится к действительности самостоятельно — в этом заключается серьёзное и принципиальное отличие между их пониманием символа Христа. В тиллиховской теологии мы видим главенствующий («предельный» в терминологии мыслителя) символ «Иисуса как Христа»²⁴. В шмемановском богословии акцент смещается с символа Иисуса Христа на символ Царства Божия — они не являются взаимозаменяемыми и обладают разной смысловой нагруженностью.

2. Интерпретация концепции символа П. Тиллиха в богословии прот. А. Шмемана

С учётом выявленных концептуальных различий в символических построениях авторов, можно заключить, что рецепция идей П. Тиллиха

в работах прот. А. Шмемана носит характер опосредованного идейного влияния, а не прямого заимствования. Таким образом, речь идёт о глубокой авторской интерпретации тиллиховского учения о символе, в ходе которой философские категории П. Тиллиха адаптируются и трансформируются в пространстве литургического богословия А. Шмемана.

О. Александр в своих трудах предлагает концепцию определения религии, которая похожа на «предельный интерес» П. Тиллиха. Протопресвитер говорит об имманентном Боге, место которого может быть занято секулярным объектом или феноменом²⁵. В этом случае Бог не уравнивается с тварным секулярным объектом, но Ему дается доступная альтернатива:

«Если [человек] отказывается от религии трансцендентного, [т.е.] надмирного, Бога, то он необходимо принимает религию имманентного Бога, имя которому может быть Социализм, История, Культура, всё что угодно»²⁶.

А. Шмеман не заимствовал идеи П. Тиллиха, но концепция расширительного определения термина «религия» была созвучна некоторым положениям теолога²⁷. П. Тиллих считал, что «предельный интерес» может быть абсолютным, а также может быть направлен на конечное — во многом это словосочетание и отношение определяется тиллиховским представлением о символе. А. Шмеман указывал, что в религии Бог Сам может не только являться символом, но и быть заменённым символом. Здесь отчетливо видится влияние тиллиховской концепции религиозного символа на шмемановские представления о символе.

Мы говорили о тиллиховском символическом восприятии Христа. Иисус как Христос, выступая как Новое Бытие, преодолевает демонические механизмы социального и личного отчуждения — того самого экзистенциального отчуждения. Мы видим, что шмемановское ощущение «демонизма» от богословия самого П. Тиллиха говорит о каких-то принципиально разных исходных установках первого по отношению ко второму — отсюда и вышеуказанный тезис про неприятие тиллиховской проблематики. Мы видим, что на словах отношение А. Шмемана

25 *Сергеев А.А.* Концепция расширительного определения термина «религия» в трудах протопресвитера Александра Шмемана // СПбДА: [сайт]. URL: <https://spbda.ru/publications/aleksandr-sergeev-koncepciya-rasshiritelnogo-opredeleniya-termina-religiya-v-trudah-protopresvitera-aleksandra-shmemana/>

26 *Шмеман А., прот.* О цели жизни // Собрание статей. 1947–1983. Москва, 2009. С. 70.

27 *Тиллих П.* Христианство и встреча мировых религий // Избранное: Теология культуры. Москва, 1995. С. 396.

к богословию самого П. Тиллиха было резко отрицательным. Несмотря на критическое отношение, протопресвитер мог воспринять отдельные идеи П. Тиллиха, например связанные с понятием символа, как говорилось ранее. В этой части статьи мы демонстрируем влияние протестантского теолога на православного богослова. Отправной точкой анализа будет хронология формирования символических построений в трудах мыслителей. О символе П. Тиллих говорит с начала 1920-х гг. и подводит итог своим размышлениям о символе в одноименной статье «Религиозный символ»²⁸ 1928 г. Развитие концепции символа завершается им уже после эмиграции, в 1951–1963 гг., в трёхтомнике «Систематическая теология». А. Шмеман начинал рассуждать о символическом языке богословия существенно позже, в 1960-х гг. Первой ключевой работой в этом отношении становится «Литургия, символ и таинство» 1968 г. Шмемановское богословие символа развивается вплоть до 1983 г. в его работах «Дневники» и «Евхаристия. Таинство Царства». Мы видим, что свое видение символа А. Шмеман формирует уже после смерти П. Тиллиха. О. Александр не упоминает о «тиллиховском символизме». Однако анализ их богословских систем и представлений о символе наводит на мысль, что А. Шмеман, наиболее вероятно, воспринял и трансформировал (скорее даже некоторым образом адаптировал) ключевые идеи П. Тиллиха о символе, применив их к осмыслению православного литургического опыта.

В рамках данного исследования рассматривается преемственность и специфика переосмысления теологического наследия П. Тиллиха в работах протопресвитера Александра Шмемана. На основе проведённого ранее анализа символических конструкций обоих мыслителей была выявлена их общая направленность на онтологический статус символа. Релевантность этого сопоставления обусловлена тем, что природа символической реальности в обеих системах неразрывно связана с фундаментальными бытийными представлениями авторов.

Ранее мы подробно говорили, что на обоих мыслителей повлияли идеи Ф. Шеллинга, в частности мысль о том, что символ не только обозначает реальность, но непосредственно онтологически передает её. П. Тиллих развил эту мысль раньше А. Шмемана, и сама идея концептуально выражается ими по-разному. Так, для П. Тиллиха символ не просто знак, а реальность, участвующая в том, что символом обозначается. Он не только указывает на Бога, но и открывает Его — присутствует

28 Tillich P. *The Religious Symbol* // *Religious Experience and Truth* / ed. S. Hook. New York (N.Y.), 1961. P. 301–321.

в Божественной реальности. Например, один из принципиальных тиллиховских символов, Крест, является не просто воспоминанием о смерти Христа, но и путём к преодолению экзистенциального отчуждения²⁹. А у А. Шмемана символ — это таинство, через которое Царство Божие становится действующим. Литургия не представление, а реальное присутствие Христа³⁰. Таким образом, мы видим, что символ не метафоричен, а онтологичен у обоих мыслителей! А. Шмеман, как и П. Тиллих, отвергает аллегорическое или рационалистическое толкование, утверждая: символ действует, а не просто обозначает.

Выше мы говорили о тиллиховском словосочетании «предельный интерес». Символ выражает собой путь к этому предельному интересу. Так, по П. Тиллиху религия — это состояние захваченности предельным интересом, который определяет смысл жизни. Символ — это форма, в которой этот интерес становится переживаемым и без этого символа вера остаётся абстракцией. Главное выражение предельного интереса заключается в тиллиховском символе «Иисуса как Христа».

Для А. Шмемана вера — это жизнь в Царстве, а не набор догматов.

Также и у П. Тиллиха: он критикует термин «догмат», в частности христологический догмат, за его неспособность адекватно выразить суть христианской вести. Он говорил о том, что догматы, сформулированные в рамках философских категорий (например, понятия «природа»), не могут полностью передать динамический характер божественно-человеческого единства во Христе³¹.

Символ, а именно таинство — непосредственно Евхаристия — это путь вхождения в Царство, переживание «последних дней» уже здесь и сейчас. Литургия не просто воспоминание событий, а экзистенциальное присутствие будущего Царства. Таким образом, символ выступает инструментом актуализации трансцендентного в области непосредственного человеческого опыта. Подобно П. Тиллиху, А. Шмеман рассматривает символ как онтологическую связующую структуру между вечностью и временем, Богом и человеком. В данной концепции прослеживается рецепция тиллиховских «символических соотношений», а также интерпретация Личности Христа в категориях Кайроса — момента вторжения вечности в исторический процесс³².

29 Тиллих П. Систематическая теология. Т. 2. С. 422.

30 Шмеман А., прот. Литургия, Символ и Таинство // Богословие и богослужение. Сборник. Москва, 2017. С. 293–294.

31 Тиллих П. Систематическая теология. Т. 2. С. 410.

32 Тиллих П. Кайрос // Он же. Избранное: Теология культуры. Москва, 1995. С. 245.

Другая проекция символа у мыслителей — это противление идеологии. По П. Тиллиху, идеология является ложным символом (т.е. не является символом как таковым), который претендует на абсолют, но лишён духовной глубины. Она заменяет Бога чем-то ограниченным или, в тиллиховской терминологии, конечным, а не символическим, то есть не может дать подлинного глубинного смысла³³.

А. Шмеман, в схожем ключе, достаточно резко подвергает критике «религиозность» в качестве идеологии, а также внешний формализм. О.Александр пишет о том, что настоящий символ не может быть подвержен идеологизации, поскольку он является живым (то есть онтологическим, согласно терминологии мыслителей) переживанием благодати, а не инструментом властного контроля³⁴.

Сходство позиций исследуемых теологов обнаруживается в их критическом противостоянии подмене религиозной веры идеологическими конструктами. Одной из наиболее значимых функций символа в концепциях П. Тиллиха и А. Шмемана выступает его способность служить защитным механизмом против идеологической деформации религиозного сознания. Обладая внутренней динамикой и открытостью трансцендентному, символ препятствует статической фиксации догматов в виде жёстких идеологем.

Еще одной точкой соприкосновения в концепциях обоих мыслителей выступает атрибуция символу качеств онтологической самодостаточности и уникальности. В рамках данного подхода символ рассматривается не как произвольный технический знак, но как «самомошный» феномен, обладающий собственной внутренней силой³⁵. Так, у П. Тиллиха символ не создаётся по заказу, он рождается в духовной ситуации, когда человек сталкивается с экзистенциальным вопросом — непосредственная реализация метода корреляции, символическим выражением которого П. Тиллих видел Христа. Этот и другой символ не может быть заменён — его нельзя просто «придумать»³⁶. Тогда как по А. Шмеману, символ — это дар Церкви, рождённый в литургической традиции: он не выдуман, а открыт в опыте веры. Например, образ Бога как Царя не просто метафора, а форма, в которой Церковь переживает Божественную власть и спасительную любовь Господа. Таким

33 Тиллих П. Христианство и встреча мировых религий // Избранное: Теология культуры. Москва, 1995. С. 399.

34 Шмеман А., прот. Таинство и символ // Собрание статей. 1947–1983. Москва, 2009. С. 296.

35 Тиллих П. Систематическая теология. Т. 2. С. 196.

36 Тиллих П. Динамика веры // Он же. Избранное: Теология культуры. Москва, 1995. С. 161.

образом, мы обращаем внимание на то, что символ не конструируется, а является результатом откровения — эта идея важна для обоих теологов. Символ — это не продукт разума, а плод веры.

Заключение

При сопоставительном анализе необходимо подчеркнуть принципиальное различие в генезисе и содержании концепций обоих авторов. Если для Пауля Тиллиха источником символизма выступает философская онтология, интегрированная в теологию через метод корреляции, то для протопресвитера Александра Шмемана фундаментом является литургическое предание Церкви. Это различие обуславливает и христологическую специфику: если в системе Тиллиха Христос осмысляется как символ «Нового Бытия», преодолевающего экзистенциальные противоречия, то в богословии А. Шмемана Он раскрывается как «Новое Творение», актуализируемое и познаваемое исключительно в пространстве Таинства.

Также стоит отметить и те формы, в рамках которых мыслители выражали свои идеи и формировали теологические построения. Для П. Тиллиха это было систематическое богословие, выраженное на протяжении всей жизни последовательно в ряде ключевых его трудов, непосредственно суммированных в трёхтомнике «Систематическая теология». А. Шмеман также писал богословские работы, но его теология носит скорее несистематический характер. Основные проявления его литургических размышлений — это не только статьи и книги, но и дневники и проповеди. Концепция религиозного символа А. Шмемана формировалась в 1960-х гг. и позднее, то есть уже после завершения разработки тиллиховских символических построений, после смерти самого П. Тиллиха.

Во многом подходы мыслителей обуславливаются их отношением к рационализму. П. Тиллих его критикует, но «его же методами», то есть с использованием философии. А. Шмеман же, несмотря на научную и логичную оценку как исторических процессов, так и богословия в целом, отказывается от схоластики (как и П. Тиллих, впрочем, хотя он и философ) в пользу поэзии и мистики.

Мы также видим, что влияние философии Ф. Шеллинга на концепции религиозного символа П. Тиллиха и протопресвитера Александра Шмемана является важным аспектом их богословских систем. Оба мыслителя в разной степени опирались на идеи Ф. Шеллинга, что сформировало их понимание символа как онтологической реальности, а не просто

рационального знака. Таким образом, близость их воззрений во многом продиктована едиными истоками, именно Ф. Шеллингом, предопределившим вектор развития их религиозно-философской мысли.

Рецепция тиллиховской мысли протопресвитером Александром Шмеманом носит избирательный характер: он усваивает фундаментальный тезис об онтологической первичности символа, согласно которому последний не просто дескриптивно описывает реальность, но актуализирует её присутствие. Однако если в системе П. Тиллиха символ выступает путём преодоления экзистенциального отчуждения через Откровение, обращённое к разуму, то в экклезиологии протопресвитера А. Шмемана он становится непосредственным вектором к Царству Божьему, реализуемым в таинственном Теле Христовом.

Обращение к понятию «интерпретация» обусловлено необходимостью подчеркнуть, что прот. А. Шмеман, принимая тиллиховский онтологический базис, подвергает его глубокой трансформации в рамках православной традиции. В этом процессе философские категории Тиллиха последовательно замещаются литургическим реализмом, где символ перестаёт быть инструментом отвлечённого познания и «оживляется» христоцентричным содержанием, обретая свою полноту в евхаристическом опыте как предвкушении грядущего Царства, которое открывается верующим в полноте церковного общения сегодня.

Данная трансформация методологии переводит метод корреляции из плоскости рационального соотнесения культуры и религии в область литургического события, где экзистенциальный вопрос человеческого бытия находит ответ не в понятии, а в сакраментальном акте. Происходит смещение онтологического вектора: если у П. Тиллиха символ служит преодолению отчуждения через интеллектуальное восприятие Откровения, то у прот. А. Шмемана он становится проводником «нового творения», актуализирующим присутствие Бога через Тело Христово. При этом оба мыслителя находят в символе уникальный механизм защиты веры от идеологического искажения, однако если протестантствующий Тиллих опирается на критическую дистанцию, то протопресвитер А. Шмеман — на живую динамику православного Таинства. В конечном итоге, несмотря на критические замечания в личных записях, протопресвитер А. Шмеман осуществляет творческий синтез, наполняя структурный «скелет» западной онтологии символа живым и глубоким молитвенным опытом многовековой восточнохристианской литургии, преображающей саму суть человеческого бытия и восприятия реальности, открывая путь к подлинному единству Творца и творения.

Источники

- Tillich P.* The Religious Symbol // Religious Experience and Truth / ed. S. Hook. New York (N. Y.): New York University Press, 1961. P. 301–321.
- Тиллих П.* Избранное: Теология культуры. Москва: Юрист, 1995.
- Тиллих П.* Систематическая теология: [в 3-х т.]. Москва; Санкт-Петербург: Университетская книга, 2000. (Книга света).
- Шмеман А., прот.* Евхаристия. Таинство Царства. 2-е изд. Москва: Паломник, 1992.
- Шмеман А., прот.* О цели жизни // *Шмеман А., прот.* Собрание статей. 1947–1983. Москва: Русский путь, 2009. С. 69–71.
- Шмеман А., прот.* Дневники. 1973–1983. Москва: Русский путь, 2017.
- Шмеман А., прот.* Литургия, Символ и Таинство // Богословие и богослужение. Сборник. Москва: ГРАНАТ, 2017. С. 286–310.
- Шмеман А., прот.* Таинство и Символ. [Электронный ресурс]. URL: http://www.odinblago.ru/liturgika/taistvo_i_simvol/ (дата обращения 13.1.2026).

Литература

- Зоткина О. Я.* «И этому испытанию никогда не приходит конец» // *Тиллих П.* Систематическая теология. Т. 3. Москва; Санкт-Петербург: Университетская книга, 2000. С. 383–398.
- Кантор В. К.* Переживая немецкую катастрофу: Степун и Тиллих (с приложением их переписки) // Вопросы философии. 2012. № 11. С. 114–135.
- Кашицкий Ф. Б.* Концепция религиозного символа в богословской системе П. Тиллиха // Труды кафедры богословия Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2025. № 2 (26). С. 51–64.
- Кашицкий Ф. Б.* Символ в богословии протопресвитера Александра Шмемана // Ипатьевский вестник. 2026. № 1. С. 23–31.
- Лёзов С. В.* Теология культуры Пауля Тиллиха // *Тиллих П.* Избранное. Потрясение оснований. Санкт-Петербург: Центр гуманитарных инициатив, 2015. С. 65–79.
- Михайлов П. Б.* Литургический символизм отца Александра Шмемана [текст: электронный] // Международный семинар «Богословие радости в свете наследия прот. Александра Шмемана»: [сайт]. URL: https://www.rp-net.ru/book/discussion/theology_of_joy/mikhailov.php (дата обращения: 15.1.2026).
- Пименов С. С.* Доктор Пауль Тиллих: О традиции, новизне и богословском усилии. Москва: Изд. ПСТГУ, 2013.
- Сергеев А. А.* Концепция расширительного определения термина «религия» в трудах протопресвитера Александра Шмемана [текст: электронный] // Санкт-Петербургская Духовная Академия: [сайт]. URL: <https://spbda.ru> (дата обращения: 17.1.2026).
- Сычева С. Г.* Ф. Шеллинг и Вячеслав Иванов: «Философия искусства» и символизм // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 361. С. 58–61.
- McKelway A. J.* The Systematic Theology of Paul Tillich: A Review and Analysis. Richmond: John Knox Press, 1964.